

ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ОБВИНЯЕМЫХ В СОВЕРШЕНИИ СЕКСУАЛЬНЫХ ДЕЛИКТОВ

Дзюман Е.М.

В статье представлены результаты эмпирического исследования специфики представлений юношей, обвиняемых в сексуальных преступлениях, о том, какие формы поведения являются адекватными для мужчин и женщин в рамках интимных отношений.

Ключевые слова: гендерная идентичность, несовершеннолетние деликвенты, гендерно-ролевые стереотипы, гендерные ожидания.

Борьба с преступностью несовершеннолетних, и, в частности, сексуальной преступностью, является одним из важнейших направлений обеспечения национальной безопасности России [4]. Общественная опасность этого вида подростковой преступности определяется целым рядом неблагоприятных тенденций в ее структуре и динамике, что определяет высокую значимость проблемы психологических механизмов преступлений несовершеннолетних против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

В качестве одного из таких механизмов выделяются нарушения полового самосознания несовершеннолетних. Многомерность этого феномена обусловила наличие широкого спектра позиций в отношении данных вопросов. Нет единства и в терминологии. В научной литературе используются как синонимичные такие понятия, как «гендерная идентичность», «половая идентичность», «полоролевая идентичность» и «сексуальная идентичность».

Целью настоящей статьи стало изучение гендерных стереотипов мужского и женского поведения, типичных для юношей, совершивших сексуальные деликты.

Объектом исследования были несовершеннолетние мужского пола, обвиняемые в совершении сексуальных преступлений: преимущественно изнасилований (ст. 131 УК РФ), насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ), а в 7 случаях – по совокупности статей. В качестве контрольной группы были обследованы несовершеннолетние, привлеченные к уголовной ответственности за совершение насильственных преступлений (ст. 102 УК РФ «Убийство» и ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»). Всего было обследовано 89 юношей в возрасте 15–17 лет.

Исследование проводилось в рамках судебно-психологических экспертиз и клинико-психологических обследований в Нижневартновском психоневрологическом диспансере, а также на базе научного экспертно-консультационного Центра прикладной юридической психологии при кафедре юридической психологии и военной психологии факультета психологии Южного федерального университета.

В эмпирическом исследовании для изучения гендерно-ролевых стереотипов и ожиданий несовершеннолетних, совершивших половые преступления, нами была использована авторская оригинальная методика «Стереотипы и ожидания в интимном поведении» [1]. Методика направлена на изучение представлений о том, какие формы поведения являются адекватными для мужчин и женщин в рамках интимных отношений. Методика состоит из двух опросников «Стереотипы мужского поведения в интимных отношениях» и «Гендерные ожидания в интимных отношениях». Каждый из опросников включает 15 вопросов, относящихся к пяти выделенным Р. Круксом и К. Баур (2005) распространенным в обществе стереотипам сексуального поведения: 1) десексуализация женщин, гиперсексуализация мужчин; 2) мужчины как инициаторы сексуальных отношений, женщины как пассивная сторона; 3) женщины-контролеры и мужчины-двигатели в реализации сексуальной близости; 4) женщины-дилетанты, мужчины-эксперты в интимных отношениях; 5) малоэмоциональность поведения мужчин, высокая эмоциональность поведения женщин в сексуальных отношениях.

Проведенное исследование показало, что общий показатель присвоения стереотипов мужского сексуального поведения и общий показатель ожиданий в области интимных отношений в основной группе обследованных несовершеннолетних находятся на

уровне высоких значений (соответственно 21,04 и 23,10 баллов при максимально возможных значениях 25 баллов).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в области социальных ожиданий обследованные несовершеннолетние более жестко придерживаются социальных стереотипов, отражающих ограничения женских гендерных ролей. Показатель солидарности с этими представлениями достоверно выше, чем показатель гендерно-ролевых стереотипов поведения мужчин в сфере интимных отношений ($p < 0,001$). Полученные данные указывают на большую требовательность этих несовершеннолетних к поведению женщин в сексуальных отношениях.

Общий показатель присвоения стереотипов мужского сексуального поведения в контрольной группе обследованных несовершеннолетних также находится на верхней границе средних значений. И хотя в количественном выражении он ниже показателя, полученного в основной группе, однако выявляемые различия не достоверны. Общий показатель социальных ожиданий у представителей этой группы не только ниже соответствующего показателя в основной группе, но и ниже, хотя и недостоверно, показателя присвоения стереотипов мужского сексуального поведения. То есть можно утверждать, что несовершеннолетние делинквенты ориентированы на строгое следование предписываемым гендерными стереотипами формам мужского сексуального поведения. В то время как в отношении поведения женщин в области интимных отношений они менее требовательны.

Исследование показало, что в области отдельных представлений относительно поведения мужчин в сексуальных отношениях представители обеих групп делинквентов обнаруживают близкие оценки.

Так, юноши обеих групп делинквентов обнаруживают высокий уровень солидарности с представлением о гиперсексуальности мужчин (шкала 1). Они полагают, что мужчина должен демонстрировать готовность к сексу, даже если у него нет желания, поскольку это входит в его «мужскую» роль. По этой шкале показатели в обеих группах имеют наиболее высокие значения и близки в количественном выражении: в группе юношей, совершивших сексуальные преступления, показатель равен 4,63 баллам, в группе несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления, 4,21 баллов. Выявляемые различия недостоверны. Как полагают Р. Крукс и К. Баур (2005), и в этом с ними можно согласиться, стереотип гиперсексуальности может обернуться и во вред мужчинам. «Мужчина, не испытывающий мгновенного возбуждения при появлении лица, которое кажется ему привлека-

тельным и/или доступным, может почувствовать себя несостоятельным» [3, с. 92]. Это тем более относится к юношам, чья сексуальная самооценка находится еще на стадии становления.

Сходным по уровню выраженности стереотипом, на который ориентируются обследованные нами юноши-делинквенты, является представление неэмоциональности мужчин (шкала 5): в группе юношей, совершивших сексуальные преступления, показатель равен 4,45 баллам, в группе несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления, он составляет 4,12 баллов. Мужчина, усвоивший представления о мужской неэмоциональности как факт, может подходить к сексу как к чисто физиологическому акту, в котором нет места его собственным чувствам. Это накладывает существенные ограничения на возможности выражения сексуальности и мешает установлению эмоционально удовлетворительных интимных отношений. Следует отметить, что соответствующий показатель в обеих группах занимает только третью позицию, однако находится на уровне высоких значений. Выявленные различия не достигают уровня статистической значимости. В группе законопослушных юношей показатель по этой шкале находится в пределах средних значений (2,01 баллов) и достоверно отличается от соответствующих показателей в группах делинквентов ($p < 0,001$).

Необходимо отметить и тот факт, что в обеих группах и по первой шкале, и по пятой, обнаруживается сравнительно небольшой разброс индивидуальных значений, что указывает на их гомогенность по анализируемым признакам. Группа законопослушных юношей гетерогенна по данному признаку, что обнаруживается в широком разбросе индивидуальных значений (дисперсия 4,34).

Полученные результаты позволяют полагать, что представления о гиперсексуальности и малоэмоциональности поведения мужчин характерны для определенной подростково-юношеской субкультуры, именуемой в научной литературе как «увеселительно-развлекательная» [2]. Высокий уровень солидарности с этими стереотипами является для юношей не только способом утверждения своей маскулинности, но и подтверждением их отношения к групповым нормам.

Гораздо большие отличия между анализируемыми группами несовершеннолетних делинквентов обнаруживаются по трем другим шкалам методики. Для несовершеннолетних, вошедших в основную группу, характерен высокий уровень солидарности с представлением о том, что мужчина должен быть «экспертом» в области сексуальных отношений (шкала 4): соответствующий показатель выявляется на уровне высоких значений (4,19 баллов). Согласно этим представлениям, мужчина должен быть опытным в во-

просах сексуальных отношений, и именно на него возлагается ответственность за качество и результат сексуального контакта. Для юношей, не имеющих достаточного сексуального опыта, такая ситуация является психологически нагрузочной, поскольку предъявляет им высокие требования.

Представители контрольной группы делинквентов в этом плане подвергаются существенно меньшему давлению, поскольку степень присоединения к этому социальному стереотипу достоверно ниже. Этот показатель получил пятый, последний ранг среди анализируемых стереотипов. В количественном выражении он находится в пределах средних значений и составляет 2,95 баллов ($p < 0,001$).

Существенные различия обнаружены и в степени солидарности представителей основной и контрольной групп делинквентов с бытующим в обществе стереотипом о том, что инициатором интимных отношений всегда является мужчина. Юноши, совершившие сексуальные деликты, обнаружили высокую степень присоединения к этому социальному стереотипу. В этой группе показатель по шкале 2 занимает наиболее высокий (первый) ранг и составляет 4,86 баллов. Несомненно, что представление о том, что каждая женщина ожидает от мужчины активных действий, является фрустрирующим фактором для юноши. Можно полагать, что именно такое убеждение было одним из мотивов делинквентного поведения этих юношей.

Представители контрольной группы делинквентов гораздо реже выражают согласие с этим утверждением. Среднегрупповой показатель составляет 3,06 баллов ($p < 0,001$). В то же время надо отметить, что показатель находится на нижней границе высоких значений, что указывает на высокий уровень солидарности с этим представлением у всех обследованных нами подростков. Можно полагать, что представления о мужчине как инициаторе интимных отношений характерны для подростково-юношеского возраста и связаны со становлением мужского полового самосознания.

Представляется интересным, что в отношении последнего анализируемого стереотипа (представление о мужчинах как двигателях в реализации сексуальной близости – шкала 3) обнаруживается обратное соотношение ответов представителей основной и контрольной групп делинквентов. Представители основной группы, хотя и полагают, что прерогативой мужчины является активности в инициации сексуальной близости, но проявление инициативы в определенных формах сексуальной активности они не считают необходимым. Показатель по этой шкале находится в пределах средних значений, но в количественном выражении получил самый низкий, пятый ранг (2,91 баллов). По сути, в сексуальных

взаимодействиях эти юноши ориентированы на получение собственного удовольствия, ориентируясь на те формы близости, которые для них наиболее приемлемы. Напротив, представители контрольной группы делинквентов показали обратное соотношение. Соответствующий показатель у них занимает наиболее высокий, первый ранг и достоверно отличается от показателя основной группы (4,30 баллов, $p < 0,001$). То есть в интимных отношениях они чаще склонны выступать дающей, а не получающей стороной. Причем, как уже отмечалось выше, они достоверно реже склонны проявлять инициативу при вступлении в интимные отношения.

Таким образом, проведенный анализ гендерных стереотипов поведения в интимных отношениях позволяет сделать следующие выводы.

Представления о мужчине как инициаторе интимных отношений характерны для подростково-юношеского возраста и связаны со становлением мужского полового самосознания.

Представления о гиперсексуальности и малоэмоциональности поведения мужчин характерны для определенной подростково-юношеской субкультуры. Высокий уровень солидарности с этими стереотипами является для юношей не только способом утверждения своей маскулинности, но и подтверждением их отношения к групповым нормам.

Гендерные стереотипы юношей, совершивших сексуальные деликты, характеризуются большей жесткостью следования стереотипам гипермаскулинного сексуального поведения, в силу чего ситуации общения с представительницами противоположного пола оказываются для них мотивационно напряженными. Поведение таких юношей может определяться не столько их потребностями или желаниями, сколько представлениями о том, как он должен себя вести в такой ситуации и чего ожидает от него партнерша.

Иная картина наблюдается при анализе гендерных ожиданий, которые юноши, вошедшие в нашу выборку, предъявляют к женскому поведению в области интимных отношений.

Прежде всего, следует отметить, что полученные результаты указывают на ортогональность гендерных стереотипов и гендерных ожиданий. Причем это обнаруживается не только в среднегрупповых показателях, но и в индивидуальных ответах обследованных нами юношей.

Группа сексуальных делинквентов по всем шкалам методики имеет самые высокие показатели, что указывает на высокую требовательность к женскому поведению в области интимных отношений. Причем, как уже отмечалось ранее, показатель солидарности с представлениями, отражающими гендерные ожидания, достоверно выше, чем показатель гендерно-

ролевых стереотипов поведения мужчин в сфере интимных отношений ($p < 0,05$).

Наиболее жестко поддерживаемыми представлениями являются три: десексуализация женщин (4,93 баллов), пассивность женщин в сексуальных контактах (4,85 баллов) и высокая эмоциональность поведения женщин (4,82 балла). Примечательно, что в группе сексуальных делинквентов показатели по первой и пятой шкалам даже выше, чем требования, предъявляемые к поведению мужчин. Можно полагать, что именно эти представления, с одной стороны, облегчают совершение сексуальных деликтов. Поскольку несогласие партнерши вступить в сексуальные отношения интерпретируется субъектом не как выражение ее действительных желаний, а как следование культурным нормам. С другой стороны, они могут выступать в качестве защитных и оправдательных реакций, позволяя этим юношам поддерживать высокую сексуальную самооценку, несмотря на отвержение демонстрируемое партнершей.

Представляется весьма интересным, то обстоятельство, что, несмотря на ожидания пассивности партнерши, именно на нее представители этой группы возлагают ответственность за то, что происходит во время сексуальных взаимодействий (шкала 3). Хотя в ответах сексуальных делинквентов показатель по шкале 3 получил только четвертый ранг, но в количественном выражении он практически не отличается от показателей, полученным по предыдущим шкалам. Выявляемые различия не значимы. Обнаруживается высокая степень присоединения к стереотипу, что именно партнерша «должна» следить за тем, чтобы не позволить вовлечь себя в неприемлемые для нее формы половых контактов. Надо заметить, что, по мнению Р. Крукс и К. Баур [3], такое поведение женщин мужчины могут рассматривать как сексуальный вызов. Основной целью в таких случаях часто бывает стремление зайти с женщиной в сексуальном отношении так далеко, как это только возможно. В то же время у обследованных нами сексуальных делинквентов степень присоединения к представлению о мужчинах как «двигателях» сексуальных отношений сравнительно не высока: показатель по шкале 3 находится на среднем уровне. Можно полагать, что здесь проявляется оправдательная функция стереотипов – возложение ответственности на жертву за то, что она не «проконтролировала» ситуацию, позволив мужчине зайти слишком далеко в сексуальном отношении.

И, наконец, представители группы сексуальных делинквентов обнаруживают высокую степень солидарности с последним анализируемым нами стереотипом – представлением о женщинах как дилетантах в области сексуальных отношений (шкала 4 = 3,83 балла). В ответах сексуальных делинквен-

тов показатель по шкале 4 занимает последнее, но в количественном выражении выявляемые различия с показателями, полученными по остальным шкалам, не значимы.

Представители первой контрольной группы – несовершеннолетние, привлеченные к уголовной ответственности за совершение насильственных преступлений – обнаруживают существенно меньшую требовательность в отношении своих сексуальных партнерш. Как уже отмечалось выше, общий показатель гендерных ожиданий в группе этих юношей не только ниже соответствующего показателя в основной группе, но и ниже, хотя и недостоверно, показателя присвоения стереотипов мужского сексуального поведения.

Наиболее поддерживаемым представлением в сфере гендерных ожиданий у этих юношей является стереотип о том, что проявлять эмоциональность, нежность и заботу естественно только для женщин (шкала 5 = 4,55 баллов). Причем, следует отметить, что и противоположный стереотип о неэмоциональности мужчин также поддерживается этими юношами (4,12 баллов).

Вторым по степени выраженности стереотипом у представителей контрольной группы делинквентов является представлением о том, что именно партнерша должна контролировать развитие отношений и несет ответственность за то, что позволяет вовлечь себя в неприемлемые для нее формы половых контактов (шкала 3 = 4,11 баллов). То есть ответственность за нежелательный сексуальный контакт они также склонны возлагать на женщину. Выявляемые различия с соответствующим показателем в основной группе делинквентов статистически не значимы.

В то же время показатель по шкале 1 (представление о том, что «нормальная женщина» испытывает меньшее наслаждение от секса, чем мужчина) находится в пределах средних значений, хотя и на верхней границе, и достоверно отличается от соответствующего показателя представителей основной группы ($p < 0,001$).

Близкое значение в этой группе получил и показатель по шкале 4, отражающий бытующее в обществе ожидание, что женщина должна быть не сведуща в вопросах сексуальных отношений (3,12 баллов).

И, наконец, пятое последнее место по степени выраженности занимает представление о том, что в сексуальных отношениях, и особенно в инициации интимных отношений женщина должна занимать пассивную позицию, во всем подчиняясь желаниям партнера (шкала 2). Этот показатель в анализируемой группе находится на уровне средних значений и достоверно отличается от аналогичного показателя в основной группе делинквентов ($p < 0,001$).

Таким образом, можно утверждать, что представители контрольной группы делинквентов по сравнению с сексуальными делинквентами достоверно чаще готовы принять женщину как равноправного партнера в сексуальных отношениях.

Проведенный анализ гендерных стереотипов поведения в интимных отношениях показал, что представления о гиперсексуальности и малоэмоциональности поведения мужчин характерны для подростково-юношеского возраста и связаны со становлением мужского полового самосознания.

Гендерные стереотипы юношей, совершивших сексуальные деликты, характеризуются большей жесткостью следования стереотипам мужского сексуального поведения. Особенностью этих гендерных стереотипов является высокий уровень солидарности с представлениями о том, что инициатором интимных отношений всегда является мужчина, и именно на него возлагается ответственность за качество и результат сексуального контакта. Еще более жесткие требования представители этой группы предъявляют к поведению женщин. Общий показатель присвоения стереотипов мужского сексуального поведения в основной группе обследованных находится на верхней границе средних значений, а общий показатель ожиданий в области интимных отношений – на уровне высоких значений (соответственно 19,15 баллов и 23,10 баллов при возможном максимуме 25 баллов). Отметим, что примерно 91% сексуальных делинквентов практически по всем шкалам поставили максимальную оценку. Единственным стереотипом, который находится на нижней границе высоких значений – это представление о том, что женщина должна быть дилетантом в области сексуальных отношений.

Представители контрольной группы менее категоричны, как в плане гендерных притязаний, так и в своих гендерных ожиданиях. Хотя в целом можно утверждать, что они также ориентированы на

доминирующие в обществе стереотипы мужского и женского сексуального поведения. Однако количественно эти показатели (как общие, так и по отдельным шкалам) достоверно ниже, чем у сексуальных делинквентов. Кроме того, показатели гендерных притязаний и гендерных ожиданий в области интимных отношений здесь близки, т. е. требования, которые предъявляются к себе и своей партнерше, примерно одинаковы.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут применяться для разработки проблем регуляции аномального сексуального поведения несовершеннолетних; проблем полового воспитания; проблем ранней диагностики, прогнозирования коррекции и возможностей психотерапии. Результаты работы позволяют существенно оптимизировать процесс судебно-психологического и клиничко-психологического освидетельствования несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности за сексуальные деликты, и более четко решать разнообразные вопросы, ставящиеся на разрешение экспертных комиссий.

Результаты данного исследования используются в работе клинических психологов в Нижневартовском психоневрологическом диспансере, а также при подготовке и проведении учебных курсов «Гендерная психология» и «Клиническая психология».

ЛИТЕРАТУРА

1. Дзюман Е.М., Целиковский С.Б. Исследование гендерных стереотипов: метод пособие. – Ростов-на-Дону: УПЛ ЮФУ, 2011. – 24 с.
2. Криминология: 3-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А.И. Долговой. – М.: Норма, 2005. – 912 с.
3. Крукс Р., Баур К. Сексуальность / Пер. с англ. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005. – 480 с.
4. Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года // РГ – Федеральный выпуск. – 19 мая 2009. – № 4912.